

Ци Мумянь был белой вороной в семье Ци.

Все три поколения семьи Ци занимались науками, и лишь он один с малых лет питал слабость к мечам и копьям. В пятнадцать лет он тайком сбежал из дома и записался в армию.

То, что началось после, можно было описать лишь как полный хаос.

Ци Юньшань, чей девиз всегда гласил, что благородный муж решает дела словом, а не кулаками, три ли гнался за сыном с хворостиной в руках, а на следующее утро, наступив на горло собственной гордости, стоял на коленях в императорском кабинете, умоляя государя о снисхождении.

С того дня дом Ци закрыл двери для гостей, а по периметру в три ли за ними начали следить тайные агенты.

Лишь Цзи Сичжао получил личное разрешение от Ци Юньшаня на вход.

Он полагал, что застанет Ци Мумянь в подавленном состоянии, но всё оказалось ровно наоборот. Ци Мумянь развалился в кресле-качалке, две служанки обмахивали его веерами и разминали ноги — он выглядел невероятно довольным жизнью.

Увидев гостя, он просиял, жестом пригласил сесть и велел принести кувшин вина.

— Я как раз собирался тебя искать, — сказал он. — Боюсь, как уйду, года три не вернусь. Смотри, не забудь меня к тому времени.

Цзи Сичжао предупредил его, что дом окружен соглядатаями и выбраться будет крайне трудно.

Ци Мумянь лишь самодовольно усмехнулся:

— Не переживай, у меня есть способ.

Что это за способ, Ци Мумянь не сказал. Цзи Сичжао не стал спрашивать.

В тот день они выпили много вина. Ци Мумянь, слегка захмелев, с покрасневшими щеками взял руку Цзи Сичжао и приложил к своей груди:

— Цзи Сичжао, пока меня не будет, береги себя.

Почувствовав биение сердца под ладонью, Цзи Сичжао вдруг ощутил, как тяжело отпускать его.

Но, несмотря на всю печаль расставания, юноша всё же ушёл.

На следующий день после их пирушки.

Никто не знал, как именно он это сделал. Поначалу все думали, что Ци Мумянь просто прячется где-то в столице, и лишь месяц спустя, когда гонец доставил в дом Ци письмо, стало ясно: он действительно отправился на фронт.

Со временем вестей от него становилось всё меньше.

Три года Ци Мумянь пробивал себе путь в армейских лагерях, пройдя путь от простого

младшего офицера до великого генерала, командующего гарнизоном.

Цзи Сичжао за это время тоже изменился: из неприметного чиновника он превратился в премьер-министра, стоящего выше всех, кроме самого императора.

Спустя три года они встретились вновь.

Ци Мумянь, верхом на породистом коне, с копьём в руке, с лицом, обветренным и закаленным в боях, смотрел на него глазами, которые сияли пугающим блеском.

Он преградил путь Цзи Сичжао копьём, скрежетнул зубами, и в его низком, хриплом голосе звучало полное непонимание:

— Почему, Цзи Сичжао? Почему?! Мои отец и мать так хорошо к тебе относились, за что ты их убил? Цзи Сичжао, ты вообще человек?!

В доме Ци всё ещё висели траурные белые полотна.

Цзи Сичжао не мог ответить. Он опустил взгляд, не решаясь посмотреть в глаза собеседнику.

Рука Ци Мумяня, сжимавшая копьё, непрерывно дрожала.

Подоспела столичная стража, и копьё упало на землю.

Поскольку Ци Мумянь, будучи генералом, самовольно явился в столицу без приказа, император в качестве наказания лишил его воинских полномочий, приняв во внимание недавние похороны его родителей.

Ци Мумянь ворвался в комнату и с грохотом захлопнул дверь.

Цзи Сичжао последовал за ним, глядя на щепки, осыпавшиеся с косяка от мощного удара, и вздохнул.

Винить стоило лишь его собственный длинный язык — сказал то, чего говорить не следовало.

Цзи Юй, отставший на шаг, глубоко вздохнул:

— Он что, пороха наелся?

— Уходи, — устало произнес Цзи Сичжао. — Дай ему остыть.

Когда они вышли во внутренний двор, Цзи Юй, не способный держать мысли при себе, спросил:

— Господин, почему вы всё время терпите этого Ци Мумяня? Есть ли в нём что-то особенное?

Цзи Юй служил Цзи Сичжао много лет и прекрасно знал, что тот — человек злопамятный: если кто-то заденет его на дюйм, он непременно ответит на фут. Но с Ци Мумянем всё было иначе — Цзи Сичжао был готов простить ему всё что угодно. Называть это снисходительностью было бы мягко сказано, это было настоящее потакание.

— Я в долгу перед ним, — Цзи Сичжао приподнял веки и посмотрел на высокие стены двора, похожие на тюремные. Казалось, на его плечах лежат невидимые оковы.

Цзи Юй вздрогнул, желая узнать подробности, но Цзи Сичжао замолчал. Глядя в светлое небо над стенами, он погрузился в собственные мысли.

Слова Цзи Юя невольно напомнили ему тот день в траурном зале дома Ци. Ци Мумянь, похожий на безжизненную куклу, с кровавыми слезами на глазах, машинально бросал бумажные деньги в жертвенную чашу:

— Отец всегда говорил, что хотел бы, чтобы ты был его сыном. Каждый раз, упоминая тебя, он так гордился... Цзи Сичжао, как у тебя рука поднялась? Неужели по ночам тебе не снятся мстительные духи?

На самом деле Цзи Сичжао не снились кошмары.

Но... он больше никогда не решался гасить свет.

Ци Мумянь обладал завидной способностью быстро отходить: поспав в комнате, он забыл о неприятностях, случившихся в карете.

Зевая, он вышел в главный зал и с порога закричал:

— Цзи Сичжао, я хочу домой! Твоя одежда ужасно неудобная...

Слова застряли у него в горле. Ци Мумянь прищурился, глядя на человека, стоявшего рядом с Цзи Сичжао.

На том был строгий наряд, осанка была прямой, черты лица — красивыми, но в глазах постоянно читалась какая-то язвительность, вызывающая неприязнь.

Си Гуанбай, глава Дунчана.

Дунчан был не лучшим местом — это были личные палачи императора, сборище отъявленных головорезов, не знающих жалости. А Си Гуанбай был первым среди них.

Ци Мумянь не мог представить, о чем Цзи Сичжао может разговаривать с таким человеком.

Он медленно усмехнулся:

— Значит, поговорка о змее и крысе, которые живут в одной норе, именно об этом.

— А генерал Ци, я погляжу, мастер использовать идиомы, — холодно парировал Си Гуанбай.

Ци Мумянь покачал головой:

— Это не я мастер, просто вы двое настолько идеально подходите под это описание, что слова приходят на ум сами собой.

Си Гуанбай предпочитал действовать, а не болтать, и в словесной перепалке был не силен. Фыркнув, он обратился к Цзи Сичжао:

— Я крыса из сточной канавы, а что скажет премьер-министр — большая змея?

Цзи Сичжао молчал.

— Господа, будьте великодушны, — вздохнул он. — Пощадите меня.

Это было явное заступничество за Ци Мумяня.

Си Гуанбай, неожиданно получивший порцию упреков, потерял всякое желание продолжать разговор.

— Я ухожу, — Си Гуанбай бросил на Цзи Сичжао многозначительный взгляд. — Через месяц жду результат.

Когда фигура Си Гуанбая исчезла в дверях, Цзи Сичжао повернулся к Ци Мумяню:

— Что ты там говорил?

Ци Мумянь, размышлявший над словами Си Гуанбая, изменился в лице:

— Я сказал, что хочу домой. Твоя одежда на мне сидит плохо, мне нужно заехать за своими вещами.

Цзи Сичжао взглянул на его одежду, которая была ему немного велика, и мягко произнес:

— Я уже отправил Цзи Юя в резиденцию генерала, чтобы он привез всё необходимое. Потерпи еще немного.

Вот почему он не видел этого парня, Цзи Юя.

— Как предусмотрительно, — процедил Ци Мумянь, нахмурившись.

Единственный предлог уйти домой был разрушен. Как же сильно он не хотел его отпускать.

Цзи Сичжао лишь слабо улыбнулся:

— Это мой долг.

В этот момент снаружи слышались шаги.

Вбежал Цзи Юй с узлом в руках. Бросив сверток Ци Мумяню, он доложил:

— Господин, я вернулся.

Цзи Сичжао кивнул и спросил Ци Мумяня:

— Проверь, всё ли на месте? Если чего-то не хватает, я отправлю его снова.

Ци Мумянь привык к бережливости и одежды у него было совсем немного. Судя по размеру узла, Бай Чуань, должно быть, собрал всё его имущество.

— Не нужно... — Ци Мумянь схватил узел, и его тяжесть заставила его снова нахмуриться. Он с любопытством заглянул внутрь и обнаружил там приглашение.

Раскрыв его, он прочитал:

По случаю празднования весны, имею честь пригласить вас на скромное угощение. Буду ждать вашего визита, чтобы разделить с вами ароматный чай и беседу. Буду весьма признательна.

Подпись: Принцесса Лююнь.

<http://bllate.org/book/19772/1947891>